

Слово въ великій Пятокъ.

*Да молчитъ всякая плоть чловѣча
и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ и
ничтоже земное въ себѣ да помышляетъ!*

Снова Голгоѳа и крестъ! Снова погребальная плащаница и гробъ Христовъ! Снова, *обареніемъ червленымъ Своя персты окровавивый*, Христовъ Богъ, Его страданія, смерть, погребеніе!

Въ виду этого духовнаго, мысленнаго зрѣлица, по истинѣ единственнаго, безпримѣрнаго въ исторіи міра,—ибо *Богъ Сына Своего не пощадь, но за насъ всѣхъ предалъ есть Его* (Римл. 8, 32),—въ виду такого зрѣлица есть-ли мѣсто чловѣческому разглагольствованію?!—*Да молчитъ всякая плоть чловѣча и да стоитъ со страхомъ и трепетомъ! Царь бо царствующихъ и Господь господствующихъ приходитъ заклатися...*

Есть-ли мѣсто соображеніямъ пытливаго ума о томъ, какъ велика, какъ всеобъятна Голгоѳская жертва? — Но, развѣ язвы Христовы, которыя мы видимъ, которыя лобызаемъ, не говорятъ въ сто кратъ сильнѣе, понятнѣе, вразумительнѣе и сердцу и

уму, чѣмъ самыя звучныя, самыя цвѣтistyя слова о Богѣ, Его высочайшей премудрости, правосудіи и безпредѣльной любви и о человѣкѣ, его паденіи и полнѣйшемъ безсиліи въ дѣлѣ спасенія?!

Или будемъ у подножія креста, у гроба Господня обсуждать смыслъ и важность богослуженія великаго Пятка?—Однако, какой-же православно вѣрующій не знаетъ, что совершаемое нынѣ перенесеніе плащаницы изображаетъ снятіе со креста тѣла Господня и несеніе его Іосифомъ и Никодимомъ съ вершины Голгоѣы въ находившійся на скатѣ Голгоѣы садъ ко гробу, гдѣ Христосъ былъ погребенъ! И кому изъ присутствовавшихъ когда-либо на вечернѣ великаго Пятка не приходило на мысль, а еще болѣе не чувствовалось, что нынѣшнее священнодѣйствіе не есть только священный обрядъ, воспоминаніе, но есть прямое продолженіе и завершеніе погребальнаго священнодѣйствія, совершеннаго впервые благообразнымъ Іосифомъ и Никодимомъ? Кому не чувствовалось, что, такимъ образомъ, и мы всѣ дѣйствительно участвуемъ въ чинопослѣдованіи снятія со креста и погребенія тѣла Христова?

«На Голгоѣѣ»,—говорилъ нѣкогда знаменитый церковный проповѣдникъ, «на Голгоѣѣ не было проповѣди: тамъ только рыдали и били въ *перси своя*» (Лук. 23, 48). Да, тамъ не было проповѣди въ общепринятомъ значеніи; но тамъ было нѣчто безконечно большее и высшее, чѣмъ проповѣдь: въ день крестной смерти Спасителя Голгоѣа видѣла величайшее страданіе; въ этотъ день на ней вознеслись къ небу необыкновенныя молитвы. Распинаемый Господь молился за Своихъ распинателей: *Отче, прости имъ, ибо не знаютъ, что дѣлаютъ* (Лук. 23, 34). Умиращій на крестѣ, Богочеловѣкъ взывалъ ко Отцу: *Боже Мой, Боже Мой, для чего Ты Меня оставилъ!.. Отче! въ руки Твои предаю духъ Мой* (Мѡ. 27, 46; Лук. 23, 46). На Голгоѣѣ благоразумный разбойникъ исповѣдалъ свою вѣру въ распятаго Иисуса Назарянина, какъ Сына Божія и его предсмертная молитва— *помяни мя Господи, егда прійдеши во царствіи Твоемъ*

(Лук. 23, 40) стала вѣковѣчнымъ образцомъ всѣхъ молитвъ для всѣхъ кающихся грѣшниковъ. Тамъ, *при крестѣ Іисуса* стояли Богоматерь и любимый ученикъ Его, горестъ которыхъ была выше слезъ. Тамъ рыдали всѣ, *знавшіе Ею и женщины, слѣдовавшія за Нимъ изъ Галилеи* (Іоан. 19, 25—26; Лук. 23, 49); а когда *померкло солнце*, когда *земля потряслась* и *камни разсыпались* и гробы открылись,—тогда зарыдалъ и народъ весь, сошедшійся на страшное Голгоеское зрѣлище, зарыдалъ, бія себя въ грудь, такъ какъ ужаснулся предъ содѣяннымъ: убили Праведника, умертвили Сына Божія.

Братіе! Господь и Спаситель нашъ бездыханенъ и мертвъ во гробѣ. «И у этого гроба» нѣтъ мѣста ничему иному, какъ только «молитвѣ и слезамъ».

«Будемъ-же молиться и плакать».

Молиться о томъ, чтобы, увѣнчанный терніемъ, Іисусъ Христосъ Сынъ Божій укрѣпилъ наши немощи и спасъ насъ «повинныхъ всѣмъ мукамъ»; чтобы Своимъ крестомъ Онъ «огранилъ насъ отъ невидимыхъ и видимыхъ враговъ»; Своими язвами «воздержалъ отъ неугодныхъ Богу дѣлъ»; Своимъ возстаніемъ изъ гроба воздвигъ наши души и «оживилъ совѣсть, еже ничтоже въ мірѣ нужнѣйши есть».

Плакать?! Но о чемъ-же плакать?! О томъ, что вѣра наша робка и слаба; что сердца черствы и грубы; воля бессильна въ добрѣ; что своими дѣлами мы поднесъ «попирали и ни во что вмѣняли кровь Христову, проліянную на крестѣ».

Услыши, Боже, гласъ нашъ, воли молитвъ и не презри душъ сокрушеннѣ! Аминь.

Священникъ **Сергій Петровскій.**